

УДК 94

ББК Ч426.63

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

М.Н. Дудина

Екатеринбург

**ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА:
ПРОБЛЕМА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ХРОНОТОПЕ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хронотоп, менталитет, российский менталитет, социокультурные трансформации, диахронно-синхронный метод в преподавании истории.

АННОТАЦИЯ: Авторский подход состоит в понимании необходимости и возможности изменения российского менталитета на основе актуализации в методике преподавания диахронно-синхронного метода изучения исторических фактов и событий в хронотопе.

M. N. Dudina

Yekaterinburg

**EXPLORING RUSSIAN MENTALITY: THE
STRATEGIES OF TEACHING HISTORY IN THE
CONTEMPORARY CHRONOTOPOS**

KEY WORD: chronotopos, mentality, Russian mentality, social and cultural transformations, diachronic and synchronic methods of teaching history

ABSTRACT: The author emphasizes a growing importance of changing the mentality of Russians based on applying teaching strategies that involve presenting historical facts and events in diachronic and synchronic aspects.

*Я русский сам, и что я знаю?
Я падаю, я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я – вылитая Русь!*

И. Северянин

В методике преподавания истории понятия «пространство» и «время» всегда были основополагающими, но не определялись в

методической литературе, в учебниках, значит, употреблялись, но не осознавались. Более того, пространство и время динамично менялись, но редко подчеркивался их континуум, целостность и неразделенность, связь с менталитетом народа. Используя понятие «хронотоп» (греч: *chronos* – время, *topos* – место), мы ориентируемся на эти свойства времени и пространства, исходим из утверждения М.М. Бахтина о том, что «вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1. С. 406]. Можно считать это главной задачей методики преподавания истории – ввести в «сферу смыслов», чтобы понять сущность исторического развития в ментальном поле своего народа и других.

Остановимся на понятии «менталитет» (от позднелат. *mentalis* – умственный), определяемом как устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей. Поскольку это могут быть этносы, нации или социальные слои, которым характерно особое мировосприятие, специфические способы реагирования на феномены окружающей действительности, постольку данный термин употребляется и во множественном числе. Ментальности – общие характеристики индивидов, живущих в одной культуре, однако различающихся в силу принадлежности к тому или иному социальному слою (Л. Леви-Брюль, М. Блок, Л. Февр). До недавнего времени эти редко употребляемые понятия вошли в современный научный и повседневный язык. В настоящее время широкого распространения английского языка этимологию слова ментальность связывают с английским понятием *mentality*, которое не совпадает по содержанию – «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов», «образ мыслей направление и характер размышлений». Иначе говоря, акцент сделан на когнитивной сфере сознания (знания, воззрения), что отличает от определений в отечественной научной литературе, где, кроме когниций, не меньшая роль отведена эмоциям (верованиям, чувствованиям), «иерархии ценностей, доминирующим потребностям, архетипам коллективного бессознательного, стереотипам мышления и поведения людей, детерминирующим специфику реагирования индивидов и общностей определенной эпохи, географической области и социальной среды на окружающий мир» [7. С. 382]. Подтвердим словами философа И. А. Ильина: «Ни один народ в мире не имел и не имеет ни такой тер-

ритории, ни такого национального состава, ни такой истории, как Россия. У нас своя, особая вера, свой характер, свой уклад души. Мы иначе любим, иначе созерцаем, иначе поем. У нас иное правосознание и иная государственность. Так было всегда. И так обстоит особенно теперь, после всего, перенесенного Россией в революции» [4. С. 5-6].

Так менталитет (ментальность) соединяет в себе рациональное и иррациональное, когнитивное и чувственное, знания и переживания, оценочные суждения. Они поддерживаются жизненным опытом народа, повседневностью, искусством и литературой, а также содержанием образования, формирующими отношение к своей стране и государству («страна дураков», «немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы – мундиры голубые - и подчиненный вам народ»), к представителям власти, к «униженным и оскорбленным», к труду («трудом праведным не наживешь палат каменных»), к частной собственности, к праву («закон, что дышло, куда поддал, туда и вышло»), к религии («не годится богу молиться – годится горшки покрывать»), а также к своей семье, к самому себе («иван-дурак»). Еще в Древней Руси спрашивали: «Как будем судить: по закону или по совести»? После революции судили по «закону революционной совести».

Несоблюдение законов и правил общественной жизни для многих остается нормой до сих пор. Подтвердим результатами социологического опроса студентов университета, проведенного Е.В. Грунт. Выяснилось, что у половины респондентов не сформировано уважительное отношение к действующим законам и к праву в целом: «Принимаются только те законы и уважаются лишь те права, которые защищают самого студента или касаются его лично - более 50% опрошенных [2. С. 300]. Интересен факт оправдания правонарушений: человек оказался в состоянии, когда он не мог контролировать свое поведение (44%), возможно в стрессовой ситуации (17%), либо под воздействием алкогольного опьянения (27%). В то же время, выяснилось, что ведущей правовой ценностью для студентов является право гражданина (около 70%), они требовательны к государству (50%), которое должно гарантировать и обеспечивать основные права человека и гражданина [2. С. 301]. Это убедительная иллюстрация потребительского подхода к законам, к правовой культуре и государству, которое вряд ли осу-

ществит права человека и гражданина в неразвитом гражданском обществе (многие студенты отождествляют или путают права человека и права гражданина).

Говоря о российском менталитете, нельзя упустить из вида стремление заимствовать, догонять тех, кто впереди. Началось с Петра I, усилилось при сталинском и хрущевском правлении («догнать и перегнать»), и сейчас продолжается; только хронотоп наполняется агрессивно наступающей вестернизацией, не оставляющей надежды на сохранение национальной идентичности. В данном контексте скажем о предвидении социолога Питирима Сорокина, «изнутри» ощутившего социокультурную динамику в конце 30-х годов XX века в США. Он писал: «Грубая сила и циничный обман окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений; сила станет правом..., продолжится увядание творческого потенциала культуры; место Галлилея и Ньютона, Лейбница и Дарвина, Канта и Гегеля, Баха и Бетховена, Шекспира и Данте, Рафаэля и Рембрандта займут посредственные псевдомыслители, ремесленники от науки, от музыки, от художественной литературы, шоумейкеры – один вульгарнее другого» [8. С. 141-142].

В целом же, менталитет свидетельствует о самоидентификации на основе знаний, понимания и эмоционально окрашенного восприятия, оценок своего народа (нации, группы, социального слоя), культуры, места проживания, истории, общности судьбы, исторических коллизий. Современный хронотоп вбирает мощнейшие социокультурные трансформации, особенно динамичные во второй половине XX и в начале XXI века. Старшее поколение выросло в пространстве огромной страны, именуемой СССР, в ощущении гордости за самую передовую страну мира, устремленную в светлое коммунистическое будущее под лозунгом «от каждого по способностям, каждому по потребностям». (В анализе легко определить его утопичность, тем не менее, верили и надеялись через двадцать лет достичь). Смысл преподавания истории всегда требовал осознания континуума прошлого, настоящего и будущего, но особенно сейчас, в ситуации глобального кризиса. Он охватил все сферы жизни, однако в учебниках истории в силу методической традиции больше пишут об экономическом и политическом кризисе, возможно об идеологическом и редко или никогда -

о духовно-нравственном кризисе российского общества. Признавая современный этап российской цивилизации кризисным, необходимо видеть его истоки в менталитете и помогать растущим поколениям его анализировать, критически-рефлексивно оценивать и обоснованно изменять. Характеризуя современный хронотоп, обнаруживаем, как и в прошлом, недоверие ко всем ветвям власти. Подтвердим статистическим материалом. Согласно социологическому опросу Левада – Центра, проведенному в 45 регионах страны (18-21 января 2013 г.), рейтинговые места роли институтов власти по показателю «очень большая роль» в процентном исчислении от общего числа опрошенных определились следующим образом [5]:

- 1) президент (50%);
- 2) олигархи, финансисты (36%);
- 3) правительство (25%);
- 4) ФСБ и другие спецслужбы (21%);
- 5) СМИ - 18%, вооруженные силы (18%);
- 6) губернаторы (16%), Государственная Дума (16%), прокуратура (16%);
- 7) Совет федерации (14%), директора крупных промышленных предприятий (14%);
- 8) судебные органы (13%);
- 9) церковь, религиозные организации (12%);
- 10) полиция (11%);
- 11) политические партии (10%); интеллигенция (5%);
- 12) профсоюзы (2%).

Неуважение к власти обусловлено не только неуважением власти к трудящемуся человеку, к старикам, детям, но и отсутствием уже на протяжении почти трех десятилетий вдохновляющей, объединяющей большинство народа идеи. Если раньше такой идеей был патриотизм, преданность Родине, то в настоящее время о нем больше молчат, даже затрудняются определить. Вновь обратимся к результатам социологического опроса Левада-Центра, в котором было предложено выбрать одно из мнений по поводу патриотизма [6]. В частности, «патриотизм – это глубоко личное чувство и его нельзя навязывать людям» - выбрали 25,7% из числа опрошенных. Другое мнение: «патриотизм надо воспитывать с детства: в семье, в школе, его необходимо пропагандировать на

телевидении, в кино, в литературе» - выбрали 68,3%; остальные затруднились с ответом. Мы полагаем, что это значительная динамика по сравнению с предшествующими поколениями. Можно добавить еще один тревожный факт – более 50% современных старшеклассников желают уехать из своей страны [9].

Полагаем, что взаимное неуважение народа и власти глубоко укоренилось в менталитете. Тогда встают вопросы: Что в нем необходимо менять? Как этому может содействовать преподавание истории? Народ, имеющий тысячелетнюю историю государственности, - на протяжении столетий до середины XIX века пребывал в крепостничестве, растлевавшем души, не допускавшем представлений о правах, свободе и достоинстве человека. Этому не помешало православие, согласно которому человек – раб божий, но не раб человеческий. Этим объясняется и долгий сталинский тоталитарный режим, существование за железным занавесом с его лозунгами: «Нет человека, нет проблем», «Партия сказала надо - Комсомол ответил – есть!», «За Родину, за Сталина!», «Прежде думай о Родине, а потом о себе».

Чтобы осмыслить и кардинально изменить формулу «человек для государства, а не государство для человека», т.е. содействовать становлению и развитию гражданского общества в современном хронотопе, продуктивным будет использование *диахронно-синхронного метода* изучения исторических фактов и событий в континууме пространства-времени, его целостности и неразделенности. Диахронный (греч. *dia* – через, сквозь + *chronos* - время) историческая последовательность жизненных событий) и синхронный (греч. *syn* - вместе + *chronos* - время) методы используются в преподавании истории, но больше диахронный, поэтому нарушается целостность и неразделенность хронотопа. Диахронно-синхронный метод предполагает рассмотрение предмета исследования в единстве истории и современности, их взаимосвязи и взаимодополнительности в хронотопе, соединяющем реальное и воображаемое, существовавшее и предполагаемое в историческом генезисе. Для этого надо «остановить мгновение», абстрагироваться от генезиса и проанализировать факты и события в единстве истории и современности. Например, немногие студенты, не говоря о школьниках или взрослых, успешно изучавших историю, скажут, к какой английской королеве сватался Иван Грозный, и

она ему отказала. А если бы нет? А если бы Петр I, следуя европейским государствам, отменил крепостное право, как бы развивалась Россия? Конечно, можно услышать ответ о том, что в истории нет сослагательного наклонения. Да, в истории нет, но в методике преподавания истории его место обусловлено тенденциями, возникающими в хронотопе, возможно подавляемыми, поэтому затихающими, но, спустя время, с большей силой заявляющими о себе вновь. Например, Николай I, признававший крепостное право злом, если бы прислушался к разумным доводам декабристов, не только не было бы кровавой расправы, но страна стала бы успешнее развиваться. А если Россия хотя бы 20 лет реформировалась по П.А. Столыпину (так он надеялся успокоить страну), русской революции не было бы? Подобных примеров множество. Формулируя вопросы на учебных занятиях, имеем возможность использовать диахронно-синхронный метод, развивающий историческое мышление на основе анализа событий в нашей стране и за рубежом. Например, два великих исторических события, определивших не только судьбу двух народов – отмена крепостного права в России (1861 г.) и рабства в Северной Америке (1864 г), происходили синхронно и меняли сущность хронотопа. Или Версальский договор, изучаемый без взгляда в будущее, вряд ли будет содействовать развитию исторического мышления о том, что он – «прочная основа для будущей войны» (В.И. Ленин) и для прихода нацистов к власти в Германии. Заметим, что диахронно-синхронный метод всегда был продуктивен для развития творческого мышления и исторического сознания, но его использование затруднялось ограниченностью необходимой информации. В настоящее время ее легко «добыть» из Интернета прямо «здесь и сейчас» в ходе учебного занятия, чтобы использовать в новом контексте, в новых исторических связях и отношениях. В таком случае, учебный предмет «история» становится «учителем жизни», памятуя известную латинскую поговорку – «не для школы учимся, а для жизни» (*non scholae, sed vitae discimus*).

С дидактической точки зрения применение диахронно-синхронного метода востребует свободу и субъектную активность обучающихся. И это свидетельство того, как радикально изменилось не только пространство-время, в котором живем, но и сам человек.

Для современного хронотопа характерны процессы, не имеющие стратегических ориентиров развития настоящего, тем более будущего. Это проявляется в глобализации, стимулируемой высокими темпами развития мирового сообщества, динамичными социально-экономическими, политическими и культурными трансформациями. А также в информатизации, создающей единое информационно-коммуникационное пространство без границ, с наличием позитивных и деструктивных для личности и социума источников знаний. Информационно насыщенное пространство делает реальным непрерывное образование (life-long education; education permanente) в новой структуре многоуровневого высшего (три уровня – undergraduate, graduate postgraduate). Использование богатейших информационных ресурсов существенно меняет роль знаний как основного двигателя экономического, технического, культурного и духовного развития человека и человечества.

Информатизация жизненного и образовательного пространства обеспечивает его инновационность, делает доступным широчайший круг знаний, позволяет овладевать методами их добывания, накопления, передачи и использования. На смену книжной культуре уже пришла и укореняется экранная, имеющая несомненные дидактические возможности. Открытость общества и открытость образования не только не отменяют, но требуют стандартизации его качества, ориентации не столько на процесс, сколько на результат, измеряемый общекультурными и профессиональными компетенциями. В таких условиях традиционная когнитивная модель с доминированием репродуктивной деятельности обучаемых и обучающихся не просто устарела, но выступает тормозом в развитии личности и общества. Анализируя черты российского менталитета, столь значимого в хронотопе, признаем неизбежные трудности осмысления и принятия ценности свободы, прав и достоинства взрослого, тем более ребенка (Декларация прав ребенка, 1959 г.).

Многовековое покорное принятие императивных, авторитарных средств, в том числе физического наказания, использование широчайшего арсенала способов подавления личности оказались созвучными народной российской педагогике, зафиксированной и пронесенной через века в пословицах и поговорках, при сказках («за одного битого двух небитых дают», «уши сына на его

спине», «любя сына, учащай ему раны, имея дочь, держи на нее грозу»). Если же критически осмыслим, эмоционально переживем эти «уроки истории», то возможно не потеряем нити исторической памяти и благодарности предшественникам, будем думать о «будущности предков» (В.С. Соловьев, 1897), но не во всем следовать им. Потому что в российском менталитете никогда не ценили свободу, ее боялись, от нее бегут и сейчас.

История дает хорошие уроки того, как желание свободы приводило к стихии бунта («бессмысленного и беспощадного», А.С. Пушкин), к революциям (две за один год и три, а может быть, четыре за один век), не просто к перестройке, а «катастрожке», уничтожению того, что годами и веками создавалось, к ломке «до основания» с верой, что «мы наш, мы новый мир построим». Подумаем лишь о переименовании городов и улиц, уничтожении и насаждении памятников, церквей. Например, к 70-летию Сталинградской битвы (2013 г.) местная власть приняла решение 5 дней в году городу Волгограду быть Сталинградом (который был Царицыном, Сталинградом, Волгоградом и может вновь стать Сталинградом). Яркое подтверждение известных со школьных лет высказываний - «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», «И я сжег все, чему поклонялся. Поклонялся всему, что сжигал». Все это «проходили» в советской школе и, пока, изучают в современной, но помогает ли это осмыслению менталитета, тем более тому, от чего следует решительно отказаться. Методически начать просто, например, стихотворением И. Северянина, создающего проблемную ситуацию (заключительная строфа которого вынесена в качестве эпиграфа): *«Бывают дни: я ненавижу / Свою отчизну – мать свою, / Бывают дни: ее нет ближе, / Всем существом ее пою»* [3. С. 244].

Образовываясь, ученик и студент познают исторические феномены массового сознания, символы и мифы, ценностные представления о жизни в том или ином хронотопе, о вере, надежде, любви, о страхах и бесстрашии - о чем вряд ли размышляют, преподавая историю. Историческое образование - это ценность, не знающая границ, она проявляется через нарастание интереса не только к войнам и революциям, экономике, внешней и внутренней политике, но к менталитету народа, отраженному в культуре российской и региональной, в языке и речи, фольклоре, праздниках,

книгах, искусстве. Так история гуманизируется, очеловечивается и становится более широкой и глубокой, потому что и в науке, и в учебном предмете главным действующим лицом является человек, его прошлое, настоящее и будущее в контексте истории человечества. Помогая пробуждению самосознания через самопознание и самопонимание, осмысление своеобразия национальной жизни и культуры, национального характера путем познания мировой истории и истории своего народа, мы можем содействовать личностной рефлексии на основе критического отношения к свойствам российского менталитета. Реагирование на вызовы истории в переломные эпохи, подобные той, в которой оказались современные поколения, может привести к оптимистическому или пессимистическому прогнозу. К сожалению, тысячелетняя российская история дает значительные основания для социального и личного пессимизма тех, кто ее изучает. Значит, преподавать и изучать историю надо, чтобы она стала водительницей жизни (*historia est magistra vitae*) для народа и отдельного человека. В современном хронотопе это необходимо и возможно в свободе и плюрализме мнений, размышлений о прошлом, настоящем и будущем в стремительно меняющемся хронотопе и человеке.

Литература:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Грунт Е.В. Отношение к праву как фактор формирования правовой культуры студентов в современных условиях / Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования. XV Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана, 22-23 марта 2012 г., Екатеринбург, 2012.
3. Дудина М.Н. Зачем изучать историю? Или как я понимаю методику преподавания истории. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.
4. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. Изд-во «Русский архив» при «народном доме России». Новосибирск, 1991.
5. Роль институтов власти. Левада – Центр. URL: [http // www.levada.ru14-02-2013, rol-institutov-vlasti](http://www.levada.ru14-02-2013,rol-institutov-vlasti). (дата обращения 14.02.2013).
6. Россияне о власти в стране, устройстве общества, патриотизме Левада – Центр. URL: [http // www.levada.ru22-01-2013 / rossiyane-o-vlasti – strane-ustroistve-obshestva-patriotizme](http://www.levada.ru22-01-2013/rossiyane-o-vlasti-strane-ustroistve-obshestva-patriotizme). (дата обращения 16.02.2013).

7. Современный философский словарь / Под общей редакцией В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004.

8. Сорокин Питирим. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты: за 60 минут. СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007.

9. Фельдштейн Д.И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века: Доклад на общем собрании РАО, 2012. URL: <http://raop.ru/index.php>. (дата обращения 15.01.2013).

УДК 91(282.247.42)

ББК Т.3(2)521.1-04 ГСНТИ 03.23.23 Код ВАК 07.00.02

К.И. Зубков

Екатеринбург

**ФОРМИРОВАНИЕ РАННИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РУССКИХ ЛЮДЕЙ ОБ УРАЛЕ:
РОЛЬ ИМАГИНАТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имагинативная география, Урал, мифология, «картина мира», хорография, Гиперборейские (Рифейские) горы, «Земной пояс», «Камень».

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются генезис ранних представлений русских об Урале, в котором, наряду с опытными знаниями, важную регулятивную роль выполняли мифологические модели географического устройства мира. Автором на примере ряда источников прослеживается сложный процесс взаимодействия умозрительных конструктов и реальных географических знаний в ходе открытия и освоения Урала.

K.I. Zubkov

Yekaterinburg

**ON FORMING OF THE EARLY RUSSIAN
PERCEPTIONS OF THE URALS: THE ROLE OF
IMAGINATIVE GEOGRAPHY**

KEY WORD: imaginative geography, Urals, mythology, “world vision”, chorography, Hyperborean (Riphei) mountains, “Earth Belt”, “Stone”.

ABSTRACT: The article analyzes the origins of the early Russians’ perceptions of the Urals, in which, together with the experienced knowledge,